

Через 15 веков

М. КАСПЕРАВИЧУС

СВОЕОБРАЗИИ и красоте культурных памятников Египта,

которыми он славился уже в глубокой древности, написано немало. Но кроме поражающих воображение древнеегипетских пирамид, статуй и храмов, в долине Нила много сооружений более скромных, строителями которых были копты — египтяне, исповедовавшие христианство.

Среди массы арабского населения копты составляли мало влиятельную религиозную группировку; члены ее жили замкнутыми общинами и часто подвергались всевозможным ограничениям. Коптские монахи обязаны были носить особый знак, их одежда, как и одежда коптов вообще, должна была отличаться от одежды мусульман; ездить верхом им разрешалось только на ослах и мулах. Христианские храмы разрушались, а сами копты насильственно обращались в мусульманство. Это неизбежно порождало национальную вражду, которая длилась столетиями и в ряде случаев превращалась в кровавые и оскорбительные для обеих сторон столкновения. Постоянная опасность репрессий со стороны арабов заставляла коптов строить свои монастыри

Нереида — нимфа моря (ткань).

в отдаленных и неприступных местностях и, используя инженерные знания своих предков — древних египтян, придавать им вид угрюмых и замкнутых крепостей.

В коптских монастырях процветало ремесло. Но особенно было развито ткачество. Об этом свидетельствует, например, инсрукция, помещенная на стене одного из монастырей, в которой были указаны размеры различных видов одежды. Туники, которые носили копты, украшались орнаментом и вставками, на них были вытканы целые сцены из библии или античной мифологии. Коптский художник, как правило, не создавал оригинальных композиций, но только использовал в своем творчестве старые сюжеты из древних росписей, картин и мозаик, в то время еще сохранившихся во многих районах Египта. Поэтому именно на примере коптских тканей, созданных еще до арабского завое-

вания, можно лучше всего проследить, как даже после победы христианского культа, резко враждебного античной концепции красоты, в прикладном искусстве продолжают применяться достижения эллинов и древних египтян.

Особенно четко это наблюдается в ранних тканях, созданных в V—VI веках н. э. Близок к александрийскому искусству прекрасный фрагмент ткани из Кливлендского художественного музея с изображением морской нимфы — нереиды. На темно-голубом фоне помещена обнаженная фигура молодой женщины с плоским сосудом в левой руке. Волосы ее украшены желтой тесьмой, в центре которой прикреплен драгоценный камень. На шее висит цепь с амулетом. В изображении интересен мотив широко распространенного в античном искусстве рога изобилия, который со времени первых Птолемеев (III век до н. э.) стал

встречаться и в работах египетских художников.

Особый интерес представляет ткань с изображением всадника, убивающего копьем дракона. У коптов было несколько «конных» святых: Фиваммон, Сисинний, Феодор, Георгий Победоносец и, наконец, архангел Михаил. Он здесь, вероятно, и изображен. Сюжет борьбы конного воина с чудовищем, которое иногда имеет облик крокодила, встречается также на ранних коптских стелах, и, скорее всего, именно отсюда он был перенесен на ткани. На всемирно известной стеле из Лувра мы видим такого всадника, облаченного в одежду римского легионера, но с головой египетского бога Гора, который уже во времена Древнего царства изображался в виде сокола. В древнеегипетской мифологии рассказывается о поединке Гора с гиппопотамом или крокодиллом, и именно этот сюжет был превращен христианским искусством в столь распространенный мотив борьбы святого Георгия со сказочным чудовищем.

На многих коптских тканях помещалось изображение богоматери с младенцем Христом. Фигу-

Бог Гор убивает крокодила. Стела.

Фаюмский портрет — один из лучших образцов египетского искусства I—III веков н. э.

ра женщины, держащей ребенка на руках, была распространена в искусстве Древнего Египта. Изображения матери с сыном имели культовое значение. Как правило, это были статуэтки популярной в Египте богини Исиды с сыном Гором. Известно, что христианство смогло покончить с культом Исиды, лишь передав ее функции Марии, в облике которой был воплощен старый миф о Великой матери богов.

Если на тканях, созданных до VI века, еще сохраняются некоторые черты реалистической передачи действительности, то после усиления среди коптов монофизитской ереси, которая становится их официальной религией, наблюдается резкий отход от традиций древнего искусства, и в том числе от традиции художественного творчества египетских

христиан в начальный период их истории. Облик человека трактуется ими в условно-линейной манере. Он существенно отличается от столь прекрасных портретов, которые оставили нам неизвестные живописцы, работавшие в Египте в первые три века нашей эры. Христианство покорило людей изречением: «Царство божье внутри нас есть», и коптский художник воспринимает тело как оковы души. Именно поэтому он решительно отказывается от реалистического искусства своих предков и все свое внимание и умение направляет лишь на зримую передачу христианских идей, которые волнуют его сердце.

Однако нельзя рассматривать искусство коптов, а в особенности их ранние ткани, только как печальный пример вырождения

искусства под влиянием таких неблагоприятных социальных условий, какие имели место на территории Египта после победы христианства. В современном Египте живет 1,3 миллиона коптов, культура и искусство которых не могут быть отброшены как нечто незначительное и ма-

лохудожественное по сравнению с памятниками Древнего Египта. На примере коптского искусства, чьи многочисленные образцы сосредоточены в Коптском музее в Каире и многих других крупнейших музеях мира, мы можем наглядно проследить, как в их творчестве проявилась удивительная

сила и стойкость древних художественных традиций, как в их скромных, но не лишенных своегообразного обаяния тканях продолжают жить старые образы, поэтичность и красоту которых не смогли уничтожить ни христианство, ни столь беспощадное к памятникам искусства время.

НАЗРУЛУ ИСЛАМУ — 70 лет

Назрул Ислам — один из крупнейших поэтов XX века, пишущих на языке бенгали — родился 24 мая 1899 года. Знатоки бенгальской поэзии называют его имя следом за именем Рабиндраната Тагора.

Стихи Назрула Ислама пронизаны духом бунтарства и богоборчества. Поэт выступает против предрассудков, суеверий и фанатизма, за свободную, раскрепощенную человеческую личность.

Искренностью и силой чувства дышит лирика поэта — строки, продиктованные большой и трагической любовью. Мы публикуем переводы двух лирических стихотворений Назрула Ислама.

МОЯ ЛЮБОВЬ

Приходи и моей
оставайся во имя любви —
изукрашу созвездьями
черные косы твои,
подарю золотую серьгу —
молодую луну.
Только ты приходи,
только милым меня назови.

Только ты приходи,
я всегда тебя жду, я готов,
приходи — я забуду
безумье протекших годов,
и слетит с моих пальцев
на смуглую шею к тебе
лебединая стая —
гирлянда из белых цветов.

Я сандаловый запах
и лунного света поток
воедино смешаю,
к тебе принесу на порог.
Я у радуги пестрой
пурпурную краску возьму —
пригодится она,
чтоб окрасить ступни твоих ног.

Только ты приходи,
оставайся во имя любви.
Приходи! Без тебя
задыхаются песни мои.
Приходи! Для тебя
заблестят переливы зарниц.
Приходи! Для тебя
разольются мои соловьи.

НАДЕЖДА

Быть может, я тебя найду
за дальним горизонтом,
где наклонились небеса
над кронами деревьев.
Быть может, я тебя найду
одну в саду зеленом
среди цветов, среди плодов,
в заброшенной деревне.
Быть может, я тебя найду
на поле опустелом,
у тихой заводи пруда,
что дремлет, недвижимый.
И ты придешь меня обнять
объятьем неумелым,
и улыбнешься, и вздохнешь,
и скажешь: «Мой любимый!».
Под небесами, в тишине
сплетутся наши руки,
и пусть горят твои глаза,
и щеки розовеют,
и теплый ветер налетит,
и память о разлуке
из сердца вырвет моего,
по воздуху развеет.
Но нет тебя, и я стою
под солнцем раскаленным,
и одинокий этот мир
оглядываю зорко.
Быть может, я тебя найду
за лесом отдаленным?
Быть может, я тебя найду
за дальним горизонтом?

Перевел
Михаил Курганцев